

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ

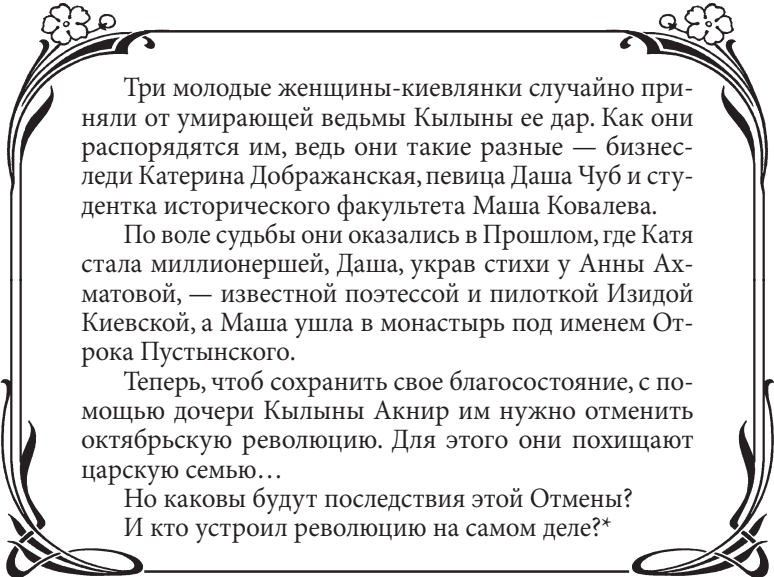

ЛАДА ЛУЗИНА

РЕЦЕПТ МАСТЕРА
РЕВОЛЮЦИЯ АМАЗОНОК

Книга 2

ХАРЬКОВ • ФОЛІО • 2011

Три молодые женщины-киевлянки случайно приняли от умирающей ведьмы Кылыны ее дар. Как они распорядятся им, ведь они такие разные — бизнес-леди Катерина Дображанская, певица Даша Чуб и студентка исторического факультета Маша Ковалева.

По воле судьбы они оказались в Прошлом, где Катя стала миллионершей, Даша, украв стихи у Анны Ахматовой, — известной поэтессой и пилоткой Изидой Киевской, а Маша ушла в монастырь под именем Отрока Пустынского.

Теперь, чтоб сохранить свое благосостояние, с помощью дочери Кылыны Акнир им нужно отменить октябрьскую революцию. Для этого они похищают царскую семью...

Но каковы будут последствия этой Отмены?
И кто устроил революцию на самом деле?*

Глава семнадцатая, в которой Даша встречает массу поклонников

От Царской площади Даша и молниеносно обнажившаяся Акнир гордо промаршировали в компании голых мужчин, дам и девиц — точнее граждан и гражданок — вверх по Трехсвятительской — точнее, теперь уже улице Жертв Революции.

Причем по дороге одна из гражданочек успела растолковать вновь прибывшим первичные тезисы «практического осуществлении наготы в современном обществе». Точнее, попытаться

* Начало истории читайте в книгах «Киевские ведьмы. Выстрел в Оперу». «К.В. Рецепт Мастера. Спасти императора».

сделать это, поскольку озвучивавшая «нагие» постулаты остроликая лекторша с рано состарившейся кожей и увядшею грудью явно чувствовала себя обнаженной куда более нервозно и скованно, чем ее аудитория — размахивавшая трусами в клубничку и мигом выказавшая самые прогрессивные взгляды:

— О чем разговор? Нагота — естественное состояние человека и женщины. А раз естественное, ничего постыдного в ней быть не может! Такими нас создала Мать-природа, а она говна не сделает... верно? А одежда — вообще социальное рабство. А мы не рабы, рабы — не мы. Правда, малая? Я тебя уважаю. Ты — молоток! — похлопала Чуб Акнир по спине.

Судя по тому, как легко, без пьяного Дашиного вызова, потомственная ведьма несла свою маленькую острую грудь, — посетительница ведьмацких шабашей была единственной в толпе голышей, на самом деле ощущавшей себя нагой точно так же естественно, как и в одежде.

Остальные товарищи с появлением Чуб порядком растеряли революционный настрой. Полное, но гладкое, крепко сбитое, колышущееся и бравурное тело пилотессы-поэтессы, ее дородный бюст и широкие бедра вызывали у обнажившихся граждан и гражданок диаметрально противоположные, но совершенно не братские чувства. Во взглядах мужчин появилось что-то осоловело-блудливое, как у котов, почуявших валериану. Девицы и дамы разом поскучнели и словно подурнели, ощущая, что их храбрый демарш сразу обесценился с появлением новенькой.

— Люди, люди! — вырвалась Даша в авангард марширующих. — Чего вы стоите? — принялась зазывно размахивать рукавами она. — Раздевайтесь, раскрепощайтесь... Присоединяйтесь к нам! Давайте сольемся в экстазе!

Люди на Михайловской площади, и без того впечатленные появлением демонстрации голых, одновременно застыли. Парни в очках и рубашках с ремнями, дебелие солдаты в застиранных гимнастерках без погон, мужчины в кожанках. На их лицах про-

писались желание и страх. Не то чтобы им вдруг захотелось раздеться, а вот слиться в экстазе с голой нимфой или — кто ее знает? — нимфоманкой хотелось несомненно!

— Долой рабство одежды! — неистовствовала пьяная Землепотрясная. — Будем такими, какие мы есть! Любите себя настоящими! Давайте просто любить друг друга почаще...

И неизвестно, чем бы закончилось все это, но тут обиженно поджимавшая губы серолицая лекторица запела:

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем.
Смело, товарищи, в ногу —*

бодро подхватили остальные гражданочки, с явственным удовольствием забывая громким хоровым пением Дашины жаркие призывы, а юная ведьма быстро цапнула напарницу за руку и потащила ее в ближайшую подворотню.

Они пробежали двор, где сушилось белье, и вильнули вправо — в кирпичный тупик.

— Че такое? Че вдруг случилось? — растерянно спросила Чуб.

— Ничего. Одевайся быстрее. — Под мышкой у Акнир в холщовой сумке обнаружили две наспех скомканные рясы. — Щелкну нас домой...

— На фига? — еще не выветрившийся из Даши Чуб алкоголь с ходу восстал против маршрута «домой». — Здесь так прикольно! Давай еще потусуемся. Иначе зачем ты нас сюда затащила?

— Затем, что это единственный период истории, где твой голый зад был уместен. Если не считать, конечно, эпохи неандертальцев... О'кей.

Надорвав зубами рясу, Акнир разорвала ее пополам. Нижнюю часть — переквалифицировала в юбку, надела и завязала узлом

на боку. Затем воровато огляделась, рванула к бельевой веревке и сорвала с нее две влажных мужских рубахи.

— Держи,— всучила она Даше ее долю награбленного. — Мо-
нашеская ряса уместна во многих годах, но точно не в 1919...

— Но если мы в 19-м, зачем опять одеваться? Зачем ты вообще
меня утащила? Ты хоть въезжаешь, что первый раз со времен ама-
зонок мы, женщины, и все прочие люди решили избавиться от
комплексов? И разделись... А после снова оделись — нас снова
подломали, закомплексовали, опять вбили в головы всякие мании,
фобии... Момент был упущен. А я могла б всех раздеть. Насовсем.
Ты видела, как они все меня слушались? Как смотрели! Еще бы
чуть-чуть, и я б совершила тут свою революцию. Голую!

— Да, только твоей революции тут и не хватало, — пробур-
чала Акнир. — Ладно, если хочешь, давай прошвырнемся.

На Михайловской и Софиевской площади их встретил новый
мир — частично разрушенный, частично уже отстроенный заново,
точнее сколоченный наскоро из разнообразных подручных
материалов.

По левую руку бронзового Богдана Хмельницкого торчал вы-
сокий деревянный столб — обелиск, поставленный в честь ок-
тябрьской революции. Древний Михайловский монастырь покуда
стоял на месте, но возвышавшийся перед ним на трех
пьедесталах памятник княгине Ольге, Андрею Первозванному и
Кириллу с Мефодием — претерпел дивные изменения. В 1911 его
еще не открыли — нынче успели прикрыть. Стоявшие по бокам
Апостол Андрей и просветители Кирилл с Мефодием — были
защиты фанерой, а монументальная княгиня пропала. Вместо нее
на центральном пьедестале скромно стоял маленький бюстик
Тараса Шевченко.

— Разве Шевченко и у большевиков был герой? — удивилась Даша.

— Борец с царским режимом.

— Как и у патриотов?

— У них он борец с царским режимом за независимость Украины. Хотя полгода назад красная власть убивала за один украинский язык. Но Ленин решил, что Тарас и язык — те самые бусы, на которые легко купить наших патриотов. И не прогадал, сволота...

— Бедный Шевченко, — посочувствовала классику Даша. — Вот и будь после этого знаменитой. Каждый тебя имеет, как хочет. Вечно Тарасом все дыры затыкают.

Спустившись обратно по улице Жертв Революции на Царскую площадь, ставшую площадью Интернационала, Чуб скептически посмотрела на еще один памятник, поместившийся в центре клумбы, рядом с трамвайной остановкой в стиле Модерн. Возвышающаяся на пьедестале из фанерных листов уродливая гипсовая статуя женщины с ружьем в руках была явной альтернативой пропавшей без вести первой христианки Руси.

Памятник царю Александру II перед Царским садом тоже исчез, на его пьедестале поместился рекламный щит «Сад Первого мая»

Судя по количеству переименований и натыканных по Городу новых монументов, явившаяся в Киев всего несколько месяцев назад новая власть намеревалась обосноваться здесь всерьез и надолго. Но намерения их были пока из фанеры и гипса.

На перекрещенной Думской — Советской площади у входа в Городскую Думу обнаружился новый шедевр — черный бюст Маркса на двух кубах. Одну руку Карл сунул за борт пиджака, другой почему-то не было вовсе. Вместо архангела Михаила шпиль думской башни украсила пятиконечная звезда.

По Крещатику (вопреки всем ветрам перемен оставшимся просто Крещатиком!) ехал оптимистичный агиттрамвай с развевающимися кумачовыми флагами.

Прямо на площади шло площадное действо — посреди оцепленных плотной толпой зевак деревянных подмостков стояла точно сошедшая с революционного плаката гражданка в мешковатой блузе и красной косынке. От ее рук и ног в разные стороны шли неестественно огромные, выкрашенные в черный цвет бутафорские цепи — каждое звено с полметра длиной. Цепи держали четверо мужчин в костюмах «душителей людей» — поп в длинной рясе, буржуй в котелке и пиджаке с жилетом, генерал с золотыми мочалками вместо погон и некто в короне — видимо, сам батюшка-царь. За сценой играла трагическая музыка. Гражданка в красной косынке энергично и безуспешно вырывалась из цепей (причем, похоже, больше всего усилий артистка прилагала, чтоб не разорвать картонные путы)

*Агитпредставление
«Освобождение женщины» —*

прочла Даша название действия на круглой афишной тумбе, неподалеку от Маркса. Тумба была облеплена афишами с множеством тоже агит — игровых кинофильмов. И когда только успели отснять? «Вставай, проклятьем заклейменный!», «Да здравствует красная армия!», «Красный кобзарь».

Внезапно музыка стала жизнеутверждающей, публика на Советской площади вскрикнула от восхищения — подпрыгнув, гражданка сделала сальто-мортале, с легкостью разорвала оковы и принялась отплясывать, демонстрируя радости свободной женской жизни. Откуда ни возьмись на сцену вышли другие краснокосыночницы с алыми флагами.

Им вторили такие же красные косынки Крещатицких девиц — завязанные не под подбородком, а на затылке, что тоже

символизировало не подчиненный, а новый статус освобожденной женщины.

Одна из таких красномакушениц немедленно сунула засмотревшейся на представление Даше в руке две листовки «Как вести себя беременной женщине» и «Право женщины на аборт».

— А вот это вы правильно! — оживилась Даша. — Я давно говорила, во всех интервью... Что это за тоталитарный режим? Случайно залетела, и все — рожай или сдохни! Мало того, они ж нас за аборт еще и сажали в тюрьму... Как преступниц. Хорошо хоть потом этот дурацкий закон отменили, иначе бы я...

— Вы совершенно правы, — краснокосынщица круглоглазо посмотрела на Дашу. Страшно молодая и столь же страшно серьезная, она представляла резкий контраст со своим спутником — белозубым улыбочатым парнем в рубаше с армейским ремнем. — Вы совершенно правы, товарищ...

— Даша, — подсказала Даша.

— Вы, товарищ Даша, прямо как товарищ Коллонтай говорите.

— А кто такой Коллонтай?

— Вы не знаете? — растерялась девушка и машинально перевела взгляд на афишную тумбу.

ТРЕТЬЕ ГОСКИНО

«Мир хижинам — война дворцам» —

зачла Даша. И заметила рядом:

13 июля 1919 г. в Киевском цирке

Женский концерт-митинг с участием тов. Коллонтай

— Коллонтай — артист? — догадалась Чуб. — Цирковой?

— Товарищ Коллонтай, — вздрогнула девушка, — нарком пропаганды Украины.

Спутник краснокосынщицы весело прыснул:

Оглавление

Книга первая

Глава одиннадцатая, в которой женщин обвиняют во всех смертных грехах	5
Глава двенадцатая, в которой на Катю снисходит ОЗАРЕНИЕ.	32
Глава тринадцатая, в которой Даша Чуб узнает Машину тайну	52
Глава четырнадцатая, в которой мы идем на вечерницы	70
Глава пятнадцатая, в которой Даша и Акнир узнают будущее	83
Глава шестнадцатая, в которой наряжают настоящую елку.	99

Книга вторая

Глава семнадцатая, в которой Даша встречает массу поклонников	5
Глава восемнадцатая, в которой гремит гром	22
Глава девятнадцатая, в которой Город восстал	36
Глава двадцатая, в которой мы узнаем судьбу Анны и Лиры	53
Глава двадцать первая, в которой мы вспоминаем, что важнейшим из всех видов искусств — является кино!	72
Глава двадцать вторая, в которой мы узнаем главный человеческий порок.	87
Глава двадцать третья, в которой сбывается Санина мечта	101